

УДК 623.11

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.5.287.296>

О РАННЕЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2024 г. А.М. Губайдуллин, А.В. Беляев

В статье рассматриваются результаты археологических исследований ранних оборонительных сооружений на территории Болгарского городища. Приводится история открытия и изучения данных объектов фортификации, а также имеющиеся точки зрения на вопросы, связанные с интерпретациями различных элементов крепостного строительства, выявленных в результате раскопок оборонительных линий памятника. Отмечается важный вклад археолога Т.А. Хлебниковой, а также других ученых-исследователей, в обнаружении и изучении наиболее ранних укреплений, ограждавших город в X – нач. XI вв. В работе приводятся аналогии устройства крепостных рвов Болгара с более ранними укрепленными поселениями Подонья и Северного Причерноморья, что может свидетельствовать об истоках и сохранявшихся традициях в фортификации, а также военно-инженерных навыках принесенных булгарами в регион Среднего Поволжья.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Болгарское городище, фортификация, ранние оборонительные сооружения.

ABOUT THE EARLY DEFENSIVE LINE OF THE BOLGAR SETTLEMENT

A.M. Gubaidullin, A.V. Belyaev

The article discusses the results of archaeological studies of early defensive structures at the Bolgar settlement. The history of the discovery and study of these fortification sites is given, as well as various views on issues related to the interpretation of different elements of fortress construction, identified during excavations of the defensive lines of the site. The important contribution by archaeologist T.A. Khlebnikova, as well as other research scientists, in the discovery and study of the earliest fortifications, that protected the fortified settlement in the X – beginning of the XI century is noted. The paper provides analogies of the construction of the fosses of Bolgar with earlier fortified settlements of the Don and the Northern Black Sea regions, which may indicate the origins and preserved traditions in fortification, as well as military engineering skills brought by the Bulgars to the region of the Middle Volga region.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Bolgar settlement, fortification, early defensive structures.

Важным атрибутом городов и замков Средневековья были крепостные сооружения, включавшие валы, рвы, стены и башни, а также зачастую и различные дополнительные сооружения. Оборонительные постройки являлись элементом существенного структурообразования, определявшего архитектурный облик поселений, так как в первую очередь являлись их «визитной карточкой», внешним «лицом» укрепленного города (Раппопорт, 1965, с. 88). Также они определяли и внутреннюю структуру поселений. Это утверждение, несомненно, применимо и к памятникам Волжской Булгарии (Ситдииков, Бочаров, 2019, с. 32–40). Практически повсеместно оборонительные стены и башни болгарских городищ не дошли до нашего времени, т. к. при их постройке

обычно использовались одни материалы – дерево и грунт, что не позволяло им сохраняться длительный период времени. Поэтому сейчас мы можем видеть только оплывшие валы и рвы разной степени сохранности. В некоторых случаях и сами оборонительные линии не сохранились из-за различного рода поздних воздействий и визуально обычно не фиксируются. В связи с этим для их поиска и изучения необходимы археологические раскопки.

В качестве примера можно привести Болгарское городище домонгольского времени, особенно его первой половины – X–XI вв. Изначально укрепленное поселение занимало подтреугольный мыс высотой около 30 м, который находится в северо-северо-восточной части современного памятника. Площадь памятника в то время занимала ок. 9 га. С юго-

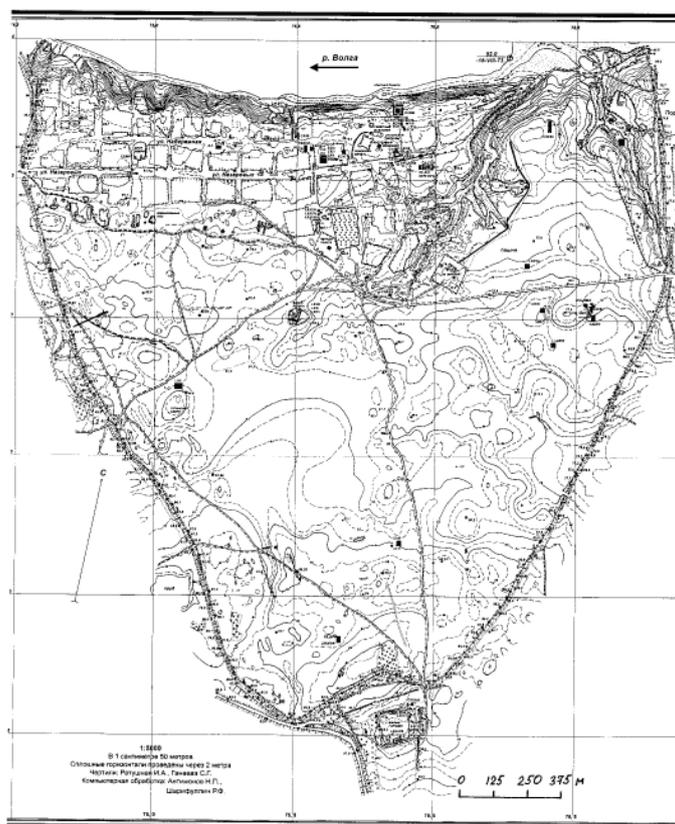

Рис. 1. План Болгарского городища.

Fig. 1. Plan of the Bolgar settlement.

востока городище ограничивалось Большим Иерусалимским оврагом, а в северной части – северным краем коренной террасы высотой до 30 м. С напольной западной стороны же существовали оборонительные сооружения (рис. 1).

Первоначально ранние оборонительные линии памятника стали изучаться Т.А. Хлебниковой еще со 2-й пол. 60-х гг. прошлого века. Они были выявлены в 1967 г. раскопом XVI. На территории северо-восточной части от Успенской церкви были вскрыты две линии рвов, между которыми находилась площадка шириной 8 м. Кроме того, в процессе раскопок выявились и следы от частокола, который Т.А. Хлебникова датировала временем не позже нач. X в. Как считала исследователь, в южной части рвы ограничивались отрогом Большого Иерусалимского оврага, а в северной – краем волжской террасы. Заполнение западного рва в нижней части состояло из домонгольского V слоя, а в верхней – из раннезолотоордынского слоя (IVр). Ширина и глубина оборонительных рвов была различной: восточный имел ширину ок. 7 м и глубину 280 см от кровли

материка; западный, смещенный позже в напольную сторону, 540 и 240 см соответственно. Кроме того, в восточном рву была выявлена и дренажная канавка, а также следы от вертикальных кольев, установленных вдоль рва. Как считала Т.А. Хлебникова, эти оборонительные рвы перестали использоваться по назначению еще в домонгольский период. По мнению исследователя, данные укрепления не имели отношения к т. н. «замошному валу» («малому окопу») (Хлебникова, Ледеякин, 1967, с. 14–15; Хлебникова, 1974, с. 19). Нужно отметить, что синхронно существовать оба рва не могли, т. к. их соединение в северной части вызывает вопросы. В случае одновременного их применения для защиты поселения они должны были находиться параллельно друг другу. Скорее всего, еще в X в. оборонительный ров по каким-то причинам был передвинут в западную сторону для увеличения территории городища.

По мнению Т.А. Хлебниковой, восточный ров имел три периода функционирования. В первый период он имел ширину ок. 6 м и глубину ок. 2,5 м. В последующем после

смещения линии на 1,5 м к западу он был расширен до 9 м. Его внутренний склон-эскарп стал более пологим, чем внешний. В третий же период строительства его ширина стала достигать 10 м при сохранившейся глубине. В это время более увеличилась и асимметрия его отлогостей-склонов (т. н. «заложение»). Контрэскарп делается почти вдвое круче эскарпа (Хлебникова, 1974, с. 19, 21). В связи с этим можно отнести его форму к т. н. «пуническому рву», происходящему еще из Античности. Крепостные рвы такой формы строились для затруднения спуска в ров для штурмующего противника и, соответственно, препятствовали его быстрому преодолению. Создание же более пологого внутреннего склона-эскарпа позволяло иметь открытым для обстрела его дно. Такое устройство использовалось и на городищах Подонья, находившегося в составе Хазарского каганата в VIII–X вв., например на укрепленных поселениях Сидорово и Сухая Гомольша (Михеев, 1985, рис. 3–4,8).

Т.А. Хлебниковой были отмечены и пласты желтого суглинка с внутренней стороны рва, которые имели мощность 40–50 см. По мнению исследователя, они «могут быть истолкованы как остатки скрытого вала, который, вероятно, входил в систему укреплений города» (Хлебникова, 1974, с. 21), что также было зафиксировано позже и на другом участке оборонительной линии. Т.А. Хлебникова проследила и остатки крепостных стен вдоль рва в виде ям от столбов. Они располагались друг от друга на 1,8–2 м, а их диаметр составлял от 40 до 70 см. Как считала Т.А. Хлебникова, это были следы от конструкции, представлявшей собой вертикально установленные бревна, между которыми находились горизонтальные, крепившиеся в пазы столбов (Хлебникова, 1974, с. 21). Судя по всему, это были остатки одного из ранних типов оборонительных сооружений в виде столбовой конструкции. Начало ее применения относится еще ко времени, предшествующему раннему Средневековью, по меньшей мере к раннему железному веку. Однако такой универсальный тип оборонительных стен широко применялся и в более поздние времена, например, как в случае с Болгарским городищем, где он датируется X в.

В 1972 г. Т.А. Хлебниковой было выявлено продолжение внутреннего (восточного)

рва, но только на уровне материка, представлявшего суглинок (рис. 2). Траншея выявила размеры этого фортификационного объекта: ширина 4,3–4,4 м, а глубина 2,8 м. Данный ров также имел треугольный профиль, который был построен в самый ранний период основания города, т. е. еще в начале образования культурных напластований (Хлебникова, 1973, с. 21). К финалу домонгольского периода он уже не использовался и был почти полностью заполнен. Здесь же исследователь проследила следы от кольев, которые проходили по внешнему склону (контрэскарпу) оборонительного рва. В его нижней части, ближе ко дну, были найдены фрагменты салтово-маяцкой керамики, состоящей из шамотного теста, датирующейся концом IX – нач. X вв. Кроме того, здесь обнаружались стеклянные бусы и железный наконечник стрелы раннего времени, т. е. времени основания булгарами укрепленного поселения (Хлебникова, 1973, с. 22) (рис. 3). В процессе вскрытия рва выявилась и дренажная канавка, чье присутствие является показателем некоторой архаичности в плане ее происхождения и применения, т. е. она появляется еще во времена поздней Античности на памятниках Северного Причерноморья (Буйских, 1981), а также на салтовских укрепленных поселениях, что отсылает нас к истокам болгарской фортификации. Например, дренажная канавка была выявлена Э.Е. Кравченко во время исследований городища Сидорово в Подонье (Кравченко, 2020, рис. 77–78).

При помощи раскопа XLVI Т.А. Хлебникова пыталась определить размер промежутка между двумя рвами (Хлебникова, 1973, с. 21). В ходе исследований был выявлен склон естественного оврага, который, возможно, был включен в оборонительную систему раннего города. Нужно отметить, что еще в 1765 г. подполковник А.И. Свечин отмечал два рва при описании городища (Борисов, 1898, с. 574). По-видимому, один из них относился к внутренней восточной линии обороны, чей след в наше время уже не заметен визуально. Здесь еще раз представлен один из примеров использования рельефа местности в военной инженерной науке Волжской Булгарии.

В свою очередь, Ю.А. Краснов отмечал, что во время основания города для его обороноспособности были использованы и особенности рельефа местности. Это высо-

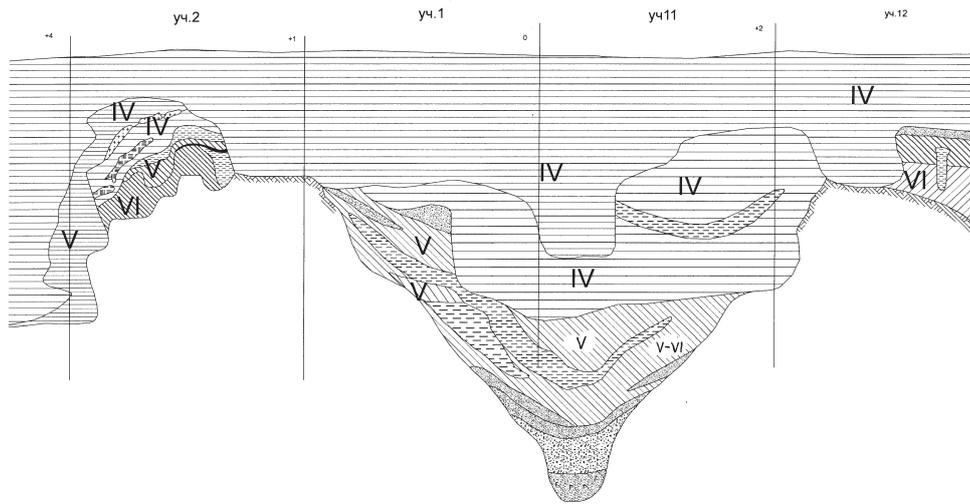

Рис. 2. Болгарское городище. Профиль рва X в. Раскоп 1972 г. (XLI) (по Т.А. Хлебниковой).
Fig. 2. Bolgar settlement. The profile of the fosse of the 10th century. 1972 Excavation (XLI) (by Т.А. Khlebnikova).

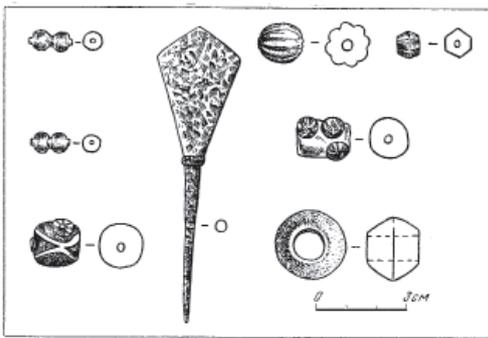
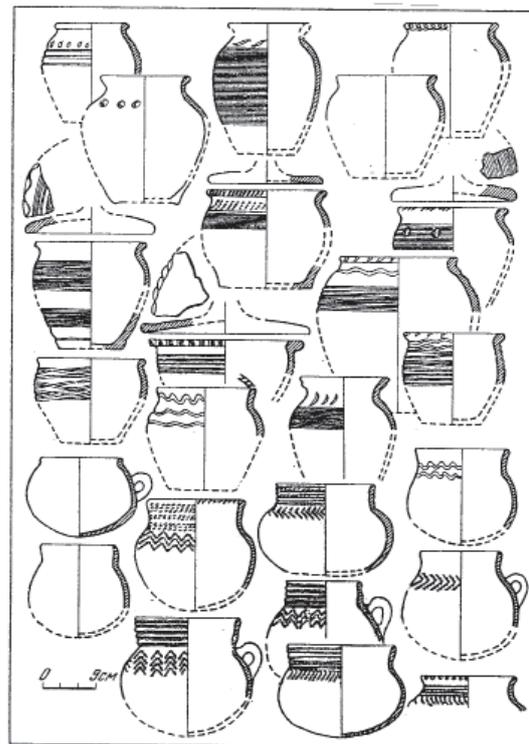

Рис. 3. Датирующие находки и образцы керамики слоя VI, включая археологический материал из раскопа XLI (по Т.А. Хлебниковой).
Fig. 3. Dating finds and ceramic samples of layer VI, including archaeological material from excavation XLI (by Т.А. Khlebnikova).

кая волжская терраса и Большой Иерусалимский овраг (Краснов, 1987, с. 104). К этому нужно добавить и р. Меленку, протекавшую в то время вдоль подножия обрыва р. Волги, чьи берега уже в то время были заболочены. Ранее существовала и точка зрения о возможности затопления этой территории при помощи плотины, остатки которой были выявлены еще в 1952 г. (Хованская, 1958; Краснов, 1987, с. 104).

Уже в наше время было определено, что ров X в. не подходил к Большому Иерусалимскому оврагу. Как оказалось, он делал поворот в восточную сторону и шел вдоль этого природного препятствия на отдалении в 60–70 м. Об этом свидетельствуют как результаты геофизических исследований, так и ареал

распространения раннедомонгольского слоя (VI слой) (рис. 4). В данном случае в очередной раз виден специальный расчет в оборонительных мероприятиях, применявшихся еще в раннее время. Такой фортификационный прием использовался и гораздо позже. Например, при устройстве т. н. «длинных валов» в Русском государстве в XVII – нач. XVIII вв., которые входили в засечные линии, созданные для противодействия нападению кочевников. Так, Черемшанская линия в Закамье была устроена в нескольких десятках метров

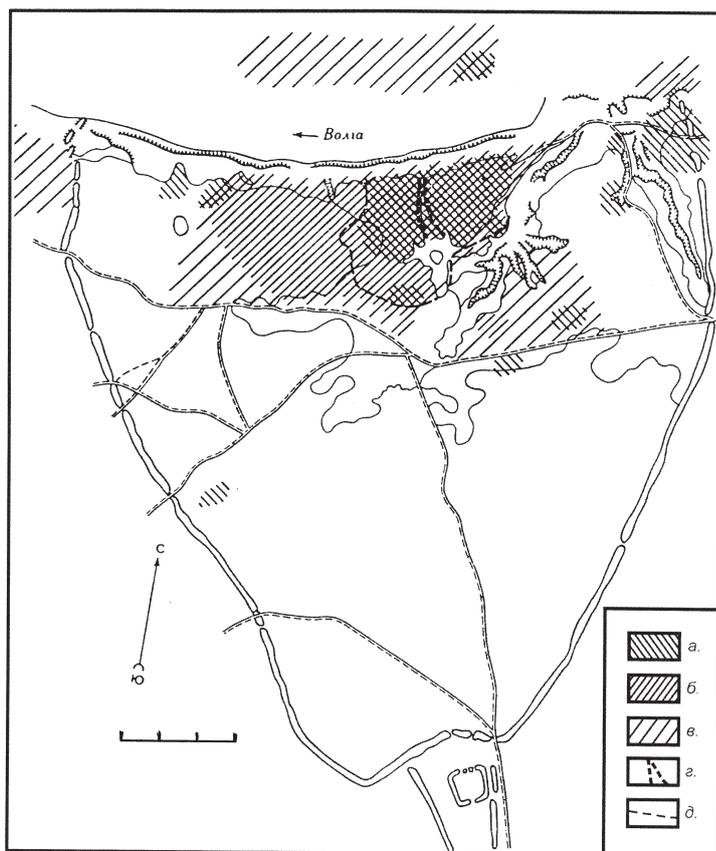

Рис. 4. Болгарское городище (по Т.А. Хлебниковой): а – территория распространения VI слоя; б – территория распространения V слоя; в – территория распространения IVp слоя; г – линии укреплений X века; д – линия укреплений XII – нач. XIII века.

Fig. 4. Bolgar settlement (by T.A. Khlebnikova): а – distribution area of the VI layer; б – distribution area of the V layer; в – distribution area of the IVp layer; г – lines of fortifications of the X century; д – line of fortifications of the XII – beginning of the XIII century.

вглубь от края высокой коренной террасы (Губайдуллин, Измайлов, 2011, с. 56–65).

В дополнение нужно отметить, что при решении вопроса о границах раннего посада Болгарского городища Т.А. Хлебникова предполагала и существование третьей линии обороны, которая могла находиться западнее в напольную сторону (Хлебникова, 1974, с. 21). Это может быть верным, если считать, что посад города был также защищен искусственными укреплениями. Однако мы бы пока не стали этого утверждать ввиду отсутствия конкретных данных.

Затем около двух десятилетий внимание исследователей было в основном обращено на изучение других объектов, расположенных на территории Болгарского городища и его окружи. Только в 90-х гг. XX в. продолжились археологические исследования этих оборонительных объектов. Так, на различных участках вскрывалась первая внутренняя линия крепостного рва. Она была выявлена на раскопах СХХIII, СХХV, СХХVI, СХХVII и СХХXI. Раскопом же СХХXI этот ров изучался специально (Губайдуллин, 2002, с. 88–89). Как и на других раскопах, данный оборонительный объект был выявлен только на уров-

не кровли материка. На уровне выявления он представлял собой полосу темно-коричневой супеси шириной 360–380 см. Во время вскрытия выяснилось, что это слой раннезолотоордынского времени, которым окончательно были засыпаны остатки данного объекта фортификации. Ниже его были прослежены слои домонгольского времени в виде засыпей, представлявших собой серую и светло-коричневую супеси, отличавшиеся относительной плотностью, а дно оборонительного рва выявилось на глубине 170–190 см от материковой поверхности (320 см от современного дневного уровня). Здесь фиксировались остатки дренажной канавки, а также следы его ремонта (ремонт?).

В свою очередь, вдоль по внутреннему склону рва были прослежены возможные следы от столбовых ямок. Их диаметр ок. 15 см, они представляли собой пятна серого гумусированного суглинка. К чему их можно отнести – вопрос открытый, не исключено, однако, что они являлись следами от крепежа эскарпа. Здесь виден некоторый ранний прообраз т. н. «анкерной сети». Следов же каких-либо других конструкций не было выявлено, т. к. ранние напластования данной территории,

входящей в центральную часть памятника, оказались переработаны перекопами в золотоордынское время. Таким образом, снова удалось проследить раннюю оборонительную линию памятника и его фортификационные особенности.

В 80-х гг. XX в. раскопами LXVIII и XCIII были выявлены следы от деревянной ограды, состоявшей из крупных столбов, которые служили в качестве вертикальных перевязок для горизонтальных бревен. Их остатки вскрывались на хозяйственном дворе Болгарского заповедника, располагавшегося ранее в северо-восточной части городища. Как считала Т.А. Хлебникова, возникновение этой постройки связано с начальным периодом образования VI домонгольского слоя (Хлебникова, 1987, с. 49–50). Ее следы в процессе раскопок выявились в виде светло-бурой полосы шириной 0,3–0,4 м и пятнами столбовых ямок в ней (раскоп СХХVII) (рис. 5). Это сооружение шло с внутренней стороны от оборонительного рва и находилось от него примерно в 15 м. Судя по стратиграфии, оно существовало в X–XI вв. и, соответственно, подвергалось ремонту (Кавеев, 1998).

Если ранние линии укреплений исследовались вместе с другими задачами, то в 2000 г. и позже они стали изучаться целенаправленно (Губайдуллин, 2004, с. 51–53). Так раскопами СХХХVII и СХLI их исследование было продолжено. На первом участке выявленный оборонительный ров имел в верхней части ширину только 2,8 м. Однако данные размеры не соответствовали первоначальному виду того, что по верху они оказались существенно переработаны в последующее время. И это не было исключением, т. к. в северной и северо-восточных частях городища такая картина во время раскопок прослеживается повсеместно. Как отмечал Ю.А. Краснов, верхние края рвов были срезаны уже в золотоордынское время (Краснов, 1987, с. 101). В нашем же случае они были срыты уже во вторую половину домонгольского периода, что подтверждается стратиграфически. Об этом можно судить по домонгольскому слою V, чьи напластования в виде серой супеси и суглинка перекрывали оборонительный ров, в нижней части которого заполнение датировалось X – нач. XI вв. (рис. 6).

Как и на предыдущих раскопах, данный оборонительный объект был треугольной в

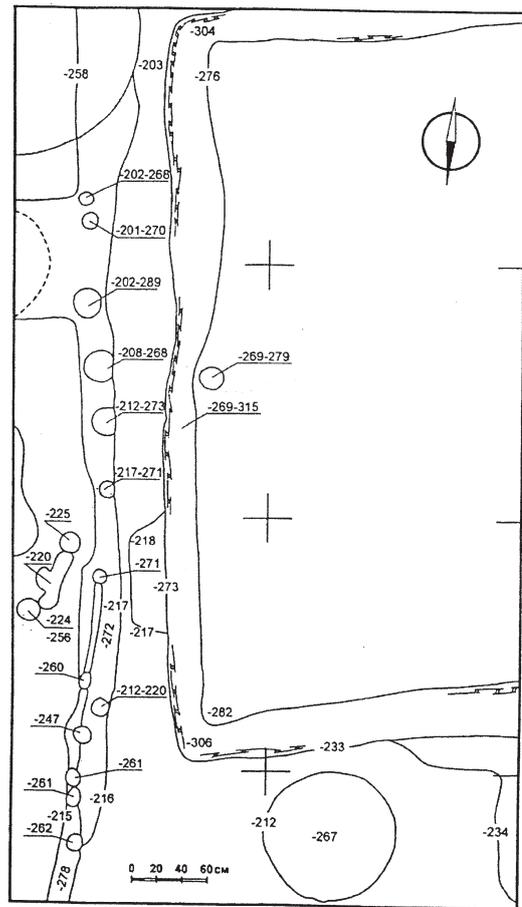

Рис. 5. Следы от цитадели X в. на Болгарском городище. Раскоп СХХVII (по М.М. Кавееву)

Fig. 5. Traces of the citadel of the X century at the Bolgar settlement. Excavation СХХIII (by М.М. Kaveev).

профиле формы и имел дренажную канавку в нижней части. Заложение¹ его было различным, так внутренний склон имел крутизну в 45–50 градусов, а внешний склон – более 60. Ранее нами уже отмечался этот прием в строительстве в виде варианта «пунического рва», что в очередной раз проводит параллели с более ранней фортификацией, например Северного Причерноморья позднеантичного времени (Буйских, 1991, рис. 35-2). Кроме этого, на обоих склонах рва были выявлены небольшие уступы, имевшие ширину от 0,3 до 0,5 м, что было зафиксировано ранее и на раскопе XLI (Краснов, 1987, рис. 10). Так как данный ров был в скором времени засыпан, можно предположить, что это произошло вследствие увеличения площади города в западную сторону.

Полученная в ходе исследований стратиграфическая картина позволила приблизительно определить первоначальную ширину рва. Она была ок. 4 или более метров, а глуби-

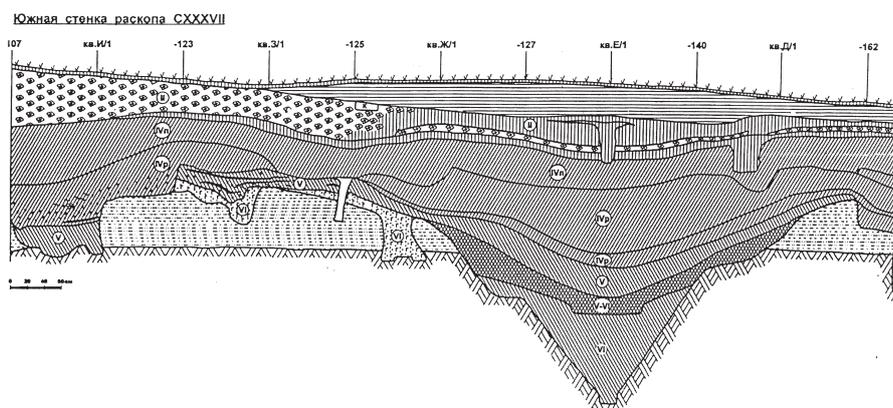

Рис. 6. Профиль оборонительной линии X в. Болгарского городища (р. СXXXVII): II слой – конец XVI–XIX; IVп – позднезолотоордынский слой; IVр – раннезолотоордынский слой; V – слой XI – нач. XIII вв.; VI – слой рубежа IX–X – нач. XI вв.

Fig. 6. Profile of the defensive line of the X century. Bolgar settlement (p. СXXXVII): layer II – the end of the XVI–XIX century; IVп – the late Golden Horde layer; IVр – the early Golden Horde layer; V – layer of the XI – the beginning of the XIII century; VI – layer of the turn of the IX–X – the beginning.

ной минимум 2,5 м. Судя по его размерам, треугольной форме и составу грунта, в котором он был выкопан, ров никогда не заполнялся водой и не предназначался для этого. Обычно только широкие рвы трапециевидной в профиле формы иногда служили для этого, но также довольно нечасто. Для этого необходимо сочетание нескольких условий: например, значительная ширина, соответствующий водонепроницаемый грунт, месторасположение оборонительного объекта и др. На раскопе СXXXVII в процессе работ удалось выявить и остатки незначительного по размерам крепостного вала, располагавшегося непосредственно за рвом. Он представлял собой массив желто-красного суглинка мощностью до 0,73 м и сохранившейся шириной свыше 5 м, который покоился на слое аллювиального песка. Остатки данного вала также фиксировались и на некоторых других исследованных участках территории Болгара (Краснов, 1987, с. 103–104). Дату его строительства точно установить пока не представляется возможным. Однако нужно отметить, что под ним не было выявлено следов погребенной почвы, которая, по-видимому, была срезана во время нивелировки поверхности, произведенной непосредственно перед строительством оборонительной линии. Это соответствовало начальному этапу возникновения укрепленного поселения, значит, можно датировать возведение вала временем основания Болгарского городища в нач. X в.

В свою очередь, вдоль внутренней отлогости рва по его берме² был обнаружен ряд небольших столбовых ямок, расположенных по линии его направления. Их заглубление в материк составляло 0,1–0,15 м. Предположительно, их можно интерпретировать в качестве остатков колев от плетня, который, в свою очередь, служил в качестве крепежа внешней отлогости оборонительной насыпи. Удалось зафиксировать и какие-то остатки надвальных конструкций в виде двух столбовых ям диаметром 0,3 и 0,7 м. Также продолжилось исследование остатков «цитадели» X–XI вв. В раскопе СXLI на глубине ок. 155–160 см были выявлены ее остатки в виде полосы из темно-серой гумусированной супеси, имевшей ширину 0,3 м и глубиной от уровня выявления до 40 см. Внутри него были зафиксированы столбовые ямы диаметром 0,2–0,3 м, являвшиеся следами от вертикальных бревен-связок. Во время вскрытия раскопа выявился упомянутый выше слой древесной трухи толщиной до 7 см. Не исключено, что он являлся следами от строительства данной стены или ее ремонта в раннее домонгольское время. В данном случае видна аналогия с результатами предыдущих исследований, характеризующих данную конструкцию и ее тип (Кавеев, Полубояринова, Старостин, Хлебникова, Шарифуллин, 1988, с. 66–67; Кавеев, 2002, с. 177–181). Таким образом, весь комплекс полученных данных может позволить нам реконструировать этот объект как деревянную крепостную стену,

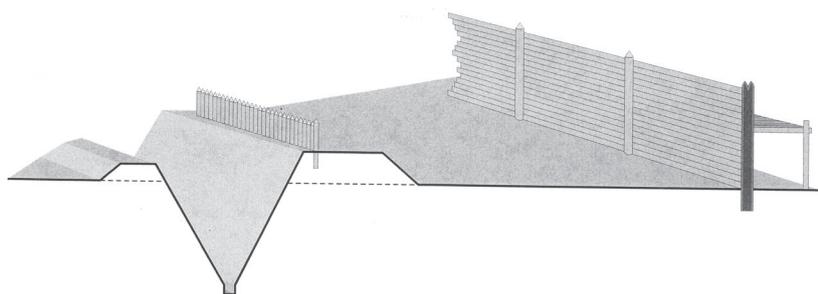

Рис. 7. Вариант реконструкции оборонительной линии X в. Болгарского городища.

Fig. 7. Variant of reconstruction of the defensive line of the 10th century, Bolgar settlement.

построенную в виде столбовых конструкций. Нам сложно дать ей точную интерпретацию, все же выявление ее на протяжении уже более чем на 50 м может свидетельствовать о существовании здесь в то время крепостной стены (рис. 7). Насколько же ее можно отнести к т. н. «цитадели города» – вопрос открытый. Построенная в X в. оборонительная линия (линии) являлась довольно серьезной преградой против нападения противника. По крайней мере для того хронологического периода и соответствующего уровня развития осадного и оборонительного искусства было достаточно.

Исходя из правил строительства фортификационных сооружений, существовавших на протяжении тысячелетий и относящихся к государственным образованиям, оборонительные линии не строились прямолинейно. Они должны были иметь извилистую форму начертания, состоявшую из входящих и сходящих углов, что облегчало обстрел прилегающей к укреплениям местности-эспланады. По нашим наблюдениям и данным археологии, направление этих линий на Болгарском городище не являлось прямым. По всей видимости, они представляли собой ломаную форму, которая состояла из т. н. «исходящих углов», что свидетельствует о проведенных основательных оборонительных мероприятиях и довольно высоком уровне развития болгарского военно-оборонительного дела, в том числе

и предварительной рекогносцировке уже в тот ранний период времени.

Данные объекты нельзя относить к простым крепостным сооружениям ввиду того, что понятие «простое» не всегда применимо. Необходимо учитывать уровень развития военного дела в целом и осадного искусства в частности применимо к конкретному времени и региону. Также и комбинация рвов, вала, стены и «цитадели» не относится к простым сооружениям, а их функции довольно сложны. Даже несмотря на отсутствие таких узлов обороны, как крепостные башни, вся эта система по тем временам и в конкретном регионе могла представлять собой серьезную оборонительную силу. Таким образом, первые крепостные сооружения были созданы в начале X в., сопровождая основание раннего города. И это не случайно, что такой значительный торгово-административный центр, занимавший выгодное географическое положение, в тот хронологический период имел и соответствующую его статусу фортификацию.

Следы раннего заплывшего рва сохранились еще длительное время после увеличения укрепленной части города в домонгольское время. Об этом мы можем судить по наблюдениям в процессе проводимых археологических раскопок. Возможно, его остатки могли использоваться для дренажа городской территории. Только в конце XIII в. произошла почти полная нивелировка поверхности.

Примечания:

¹ Заложение – горизонтальное расстояние между вершиной и подошвой всякой отлогости.

² Берма – узкий уступ между валом и рвом, предохранявший оборонительную насыпь от осыпания в ров. При относительно большой ширине могла использоваться также и в качестве дорожки для патрулирования.

ЛИТЕРАТУРА

Борисов В.Л. Описание развалин города Булгара подполковником Свечиным в 1765 г. // ИОАИЭ. 1898. Т. XIV. Вып. 5. С. 572–576.

Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев: Наукова думка, 1981. 160 с.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 232 с.

Губайдуллин А.М. Булгарские оборонительные сооружения X в. // Древность и средневековые Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 51–53.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 144 с.

Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. «Длинные валы» в Волго-Камье: археологические исследования и историческая интерпретация // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань) / Археология евразийских степей. Вып. 11 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Фолиант, 2011. С. 56–65.

Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 58–71.

Кавеев М.М. Отчет об исследовании Болгарского городища на раскопе СХХVII. Казань, 1998. Док. Фонд БГИАМЗ. Инв. № 757–6/112.

Кавеев М.М. Некоторые дополнения к исторической топографии города Болгара // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 177–181.

Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // Археология Евразийских степей. 2020. № 4. 344 с.

Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 99–123.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.

Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 88 с.

Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г. Объект всемирного культурного наследия город Болгар и его вклад в тюркскую цивилизацию // Археология Казахстана. 2019. № 4 (6). С. 32–40.

Толегенов А.К., Раздыков С. З. История исследования керамических изделий средневекового городища Кастек // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение 2022. Т. 138 (1), 109–125. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-109-125>.

Хлебникова Т.А. Отчет о работах на раскопках ХLI в 1972 г. на городище «Великие Болгары». Казань, 1973. 22 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4719.

Хлебникова Т.А. Исследования центра города Болгара в 1964–1970 гг. // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 18–23.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32–88.

Хлебникова Т.А., Ледяйкин В.И. Отчет Болгарского отряда ПАЭ – 1967. р. XVI. М., 1967. 15 с. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3480.

Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // МИА № 61 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 316–329.

Информация об авторах:

Губайдуллин Айрат Маратович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова, Академия наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова, Академия наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); bav986@yandex.ru

REFERENCES

Borisov, V. L. 1898. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* Vol. XIV, no 5, 572–576 (in Russian).

Buiskikh, S. B. 1991. *Fortifikatsiia Ol'viiskogo gosudarstva (pervye veka nashei ery) (Fortification of the Olbian State: First Centuries AD)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Gubaidullin, A. M. 2002. *Fortifikatsiia gorodishch Volzhskoi Bulgarii (Fortification of hillforts and towns in Volga Bolgaria)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 51–53 (in Russian).

Gubaidullin A. M. 2006. *Fortifikatsionnyi slovar' (Dictionary of Fortification)*. Kazan: Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Gubaidullin, A. M., Izmailov, I. L. 2011. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Series: *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 11. Kazan: "Foliant" Publ., 56–65 (in Russian).

Kaveev, M. M., Poluboiarinova, M. D., Starostin, P. N., Khebnikova, T. A., Sharifullin, R. F. 1988. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i mongolskoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 58–71 (in Russian).

Kaveev, M. M. 1998. *Otchet ob issledovanii Bolgarskogo gorodishcha na raskope CXXVII (Report on the study of the Bolgar settlement at the excavation XXVII)*. Kazan. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 757–6/112 (in Russian).

Kaveev, M. M. 2002. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Problemy drevney i srednevekovoy istorii Srednego Povolzh'ya (Issues of ancient and medieval history of the Middle Volga region)*. Kazan: Institute for History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 177–181 (in Russian).

Kravchenko, E. E. 2020. *Sidorovskii arkheologicheskii kompleks na r. Severskii Donets (Sidorovsky Archaeological Complex on the Seversky Donets River)*. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4 (in Russian).

Krasnov, Yu. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99–123 (in Russian).

Mikheev, V. K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarского kaganata (Don region as part of the Khazar Khaganate)*. Kharkov: "Vishcha shkola" Publ. (in Russian).

Rappoport, P. A. 1965. *Drevnie russkie kreposti (Ancient Russian Fortresses)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. 2019. In *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 4 (6), 32–40 (in Russian).

Tulegenov A. K., Razdykov, S. Z. 2022. In *Vestnik ENU im. L.N. Gumileva. Seriya: Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie (Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies)*, 138(1), 109–125 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1973. *Otchet o rabotakh na raskopkakh XLI v 1972 g. na gorodishche «Velikie Bulgary» (Report on the XLI excavations in 1972 at the settlement "Great Bulgarians")*. Kazan. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 4719 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ya v srednie veka (Cities of the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 18–23 (in Russian).

Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–88 (in Russian).

Khlebnikova, T. A., Ledyakin, V. I. 1967. *Otchet Bolgarskogo otryada PAE 1967 g. (Report of Bolgar Detachment of Volga River Archaeological Expedition 1967)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 3480 (in Russian).

Khovanskaya, O. S. 1958. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 316–329 (in Russian).

About the Authors:

Gubaidullin Airat M., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Belyaev Aleksandr V., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2024 г.
Статья принята к публикации 01.10.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу